

Аирис.

ВОССТАНИЕ ИЗ ПЕПЛА

Мария Абек

18+

Мария Абек

Айрис. Восстание из пепла

«Автор»

2026

Абек М.

Айрис. Восстание из пепла / М. Абек — «Автор», 2026

Прошлое обрело лицо. Тайна раскрыта. Брачный договор начинает исполняться. Айрис пытается изменить свою судьбу. Но как вырваться из клетки и не потерять себя?

© Абек М., 2026

© Автор, 2026

Мария Абек

Айрис. Восстание из пепла

Книга 2 Айрис. Восстание из пепла.

Глава 1. Во власти счастья

Карета увозила меня всё дальше от часовни. Я смотрела на Лейна. Он глядел в окно, о чём-то сосредоточенно размышляя. Я сидела молча, боясь заговорить и снова всё испортить.

За окном буря постепенно стихала, но не успокаивалась — скорее умирала, обессиленная. Те ветры, что с такой яростью обрушивались на часовню, теперь лишь едва колыхали ветви деревьев, словно у них больше не осталось сил бороться. Дождь превратился из сплошной стены воды в мелкую морозящую взвесь, оседавшую на стекле каплями, похожими на слёзы. Где-то вдалеке ещё ворчал гром, но звучал он уже не угрожающе, а скорее устало — будто сама природа выдохнула после пережитого. Лес по обе стороны дороги казался притихшим и поникшим. Трава, ещё совсем недавно хлеставшая по земле под напором ветра, теперь лежала мокрыми безжизненными прядями. Сломанные ветви, вырванные с корнем кусты — всюду виднелись следы борьбы, которую стихия проиграла. Будто сама природа пыталась уберечь меня от ошибки, а теперь, обессиленная, лишь плакала мелким дождём, провожая в неволю.

Наконец Лейн перевёл взгляд на меня. Мне показалось, что в этот миг в душе вспыхнул крошечный огонёк. Робкий, едва заметный, но живой. Он долго изучал меня, и я боялась даже дышать, чтобы не нарушить эту хрупкую тишину.

— Айриэлла... — Он покачал головой и разочарованно выдохнул. — Ты спутала мне все карты.

От его слов мне стало одновременно тепло оттого, что он вообще заговорил со мной, и мучительно стыдно за то, что я его расстроила.

— Прости. Я не хотела всё испортить.

Лейн ухмыльнулся.

— Айриэлла, хочешь сесть рядом со мной?

— Конечно!

Я так обрадовалась, что даже слегка привстала с диванчика, но он поднял руку, останавливая меня.

— Стой... не так быстро. Я хочу, чтобы ты сидела рядом, но сегодня ты меня сильно разочаровала.

Я виновато опустила голову. В груди неприятно кольнуло. Лейн выдержал паузу. Мне показалось, она длилась целую вечность. Я боялась поднять глаза и увидеть в его взгляде разочарование.

— Ну ладно, я же не зверь какой-то. Сядь рядом со мной на пол и можешь даже обнять мои ноги.

Последние слова он произнёс так, словно делал мне огромное одолжение. В его глазах вспыхнул зелёный огонёк.

Я послушно сползла с диванчика и опустилась возле его ног на мягкий ковёр кареты. Стоило оказаться так близко к нему, как меня накрыла волна тепла. Всё вокруг перестало существовать. Только он. Меня захлестнуло блаженство. Его запах — холодного дождя, терпкого кедра и дорогой ткани — дурманил голову. Я осторожно, почти робко, обняла его ноги, чувствуя, как дрожат пальцы.

Мне казалось, что именно здесь, у его ног, моё место. Что так правильно. Что наконец я там, где должна быть.

Лейн довольно отвернулся к окну, и в отражении стекла я заметила, как его губы тронула едва заметная улыбка.

— Айриэлла, ты знаешь, куда мы едем?

— Нет, — прошептала я, прижимаясь щекой к его колену. — Главное, что я рядом с тобой. Всё остальное не важно.

Он удовлетворённо кивнул. Его рука легла мне на голову и медленно, почти ласково, стала перебирать мои волосы, даря непередаваемое наслаждение.

— Мы едем в мой особняк. — Его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась сталь. — Он достался мне от отца. Ты должна его помнить. Корвин Рейвенвуд.

Корвин... Имя кольнуло сознание. Где-то в глубине памяти мелькнула тень: высокий человек, тёмные волосы, смех, тёплый взгляд. Но стоило попытаться ухватиться за это воспоминание, как кольцо на пальце обдало руку жаром, и образ исчез, растворившись, будто его никогда не существовало.

— Мы пробудем там до твоих родов, — продолжил Лейн. — Надеюсь, у меня не возникнет с тобой проблем.

Я подняла на него глаза.

— Я буду делать всё, что ты скажешь, Лейн.

Он нахмурился. Я испуганно замерла, боясь, что снова сделала что-то не так. Но уже через мгновение его лицо озарила широкая улыбка, словно его посетила гениальная идея.

— Не называй меня Лейн. Ты провинилась и этого не заслужила. Называй меня хозяином.

Внутри разлилось странное тепло — смесь унижения и какой-то необъяснимой гордости оттого, что он обратил на меня внимание. Это было правильно. Это было справедливо.

— Как прикажешь, хозяин.

Лейн рассмеялся и погладил меня по голове.

— Хорошая девочка.

Не знаю, сколько мы ещё ехали. Я совсем потерялась во времени. Тело затекло от неудобного положения, но я даже не думала пошевелиться и потревожить Лейна. Я просто сидела и ждала — вдруг он снова заговорит со мной. Но он молчал. Постепенно меня начало клонить в сон, и я сама не заметила, как задремала.

Карета остановилась. Лейн легко похлопал меня по плечу.

— Мы приехали, Айриэлла. Вставай.

Я испуганно вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

— Может, ты уже отпустишь мои ноги?

Я поспешно убрала руки. Кучер открыл дверцу. Лейн вышел первым и подал мне ладонь.

Опираясь на неё, я выбралась из кареты. Ноги затекли так сильно, что я едва удержалась на них. Раннее утро только вступало в свои права. Солнце ещё не показалось из-за горизонта, но небо уже начинало светлеть, постепенно разгоняя ночную тьму. Воздух был свежим и влажным после недавнего дождя.

Лейн обвёл рукой пространство перед собой.

— Смотри, это твой новый дом, Айриэлла.

Только теперь я оторвала взгляд от Лейна.

Передо мной возвышался большой двухэтажный особняк из тёмного камня. Чёрная черепица ещё поблёскивала после недавнего дождя. Высокие окна с коваными решётками смотрели строго и настороженно. Перед фасадом раскинулся ухоженный сад, но всё в нём казалось слишком правильным: кусты были идеально подстрижены, каждый куб и шар выверен до сантиметра. Даже буйный плющ изящно оплетал каменную арку, не выходя за её границы.

Из цветов росли лишь тёмно-алые розы. Они цвели густо, но их красота казалась застывшей, словно кто-то навсегда заморозил её в идеальном мгновении.

Особняк не выглядел заброшенным или старым. Он был безупречен. Слишком правильный. Слишком совершенный. Здесь не было ни одной сломанной ветки, ни одного сорняка, ни одного случайного изгиба. Всё подчинялось порядку. Даже воздух казался неподвижным.

Должно быть, всё это время Лейн поддерживал дом в таком состоянии.

— Тебе нравится, Айриэлла?

— У тебя очень красивый особняк, Лейн.

Лейн медленно повернулся ко мне. Его взгляд стал тяжёлым, внимательным, почти гипнотическим. От него мне стало не по себе. Я судорожно перебирала в голове последние слова, пытаюсь понять, что сказала не так. Сердце забилося чаще.

— Лейн?... — неуверенно повторила я.

Он нахмурился.

— Айриэлла, у тебя что, совсем нет памяти?

Я отчаянно пыталась вспомнить, что забыла. Секунда. Две. Три. Тишина тянулась мучительно долго. Лейн вдруг сжал мою руку — сильно, почти до хруста. От боли все мысли рассыпались, оставив лишь животный страх и пустоту.

Я смотрела на него, не в силах даже вдохнуть.

— Айриэлла! Разве ты заслужила называть меня Лейном?

Он сжал мою руку ещё сильнее. Я согнулась от боли, чувствуя, как будто кости вот-вот затрещат.

— Прости, прости, прости... — забормотала я, уже не понимая, за что извиняюсь. Мне хотелось только одного — чтобы он отпустил мою руку.

— Прости... кто?

Меня наконец осенило. Слезы хлынули из глаз, а слова посыпались скороговоркой, словно молитва.

— Прости, хозяин. У тебя очень красивый дом, хозяин. Прости меня, хозяин.

Он удовлетворённо разжал пальцы. Боль постепенно отступила, оставив после себя пульсирующее тепло. Я стояла, опустив голову и тихо всхлипывая. За нашими спинами карета бесшумно тронулась и скрылась за поворотом.

Будто ничего не произошло, Лейн снова протянул мне руку — как настоящий джентльмен, приглашающий даму войти.

— Пойдём, я покажу тебе твою комнату.

Я вложила свою покрасневшую ладонь в его. Мы направились к дому. Я мысленно корила себя за забывчивость. Опять рассердила его. Нужно быть внимательнее. Нужно запоминать всё, что он говорит.

Лейн открыл массивную дверь, и я переступила порог.

Внутри дом оказался таким же строгим и выверенным, как снаружи. Белые стены, мраморный пол, укрытый мягкими коврами, картины в тяжёлых рамах — каждая висела на своём месте, будто её выверяли по линейке. По центру холла поднималась широкая лестница с коваными перилами — изящная и холодная.

Лейн показывал мне комнату за комнатой. Гостиная, кухня, столовая — всё на первом этаже выглядело чистым, светлым и безукоризненно упорядоченным. Даже гостевые комнаты выглядели так, словно ждали гостей, которые никогда не приедут.

На втором этаже он показал кабинет, затем библиотеку. В спальню Лейна мы не заходили — он лишь коротко сказал, что это его комната, и повёл меня дальше.

Моя спальня оказалась соседней с его. Когда он открыл дверь, я невольно замерла на пороге.

Светлая, просторная, с большим окном, выходящим в сад. Кровать с балдахином, туалетный столик, мягкий ковёр. Всё выглядело именно так, как и должно было выглядеть.

Лейн остановился у двери, наблюдая за мной.

— Тебе нравится?

— Нравится. Комната прекрасна, но я... — Я запнулась и опустила взгляд, не решаясь договорить.

Он мягко улыбнулся.

— Не бойся. Говори.

— ...я думала, мы будем жить в одной комнате.

Лейн рассмеялся. Я замерла, не понимая, разозлился он или нет.

— Это так мило! Айриэлла, конечно же мы будем жить в разных комнатах. Ты будешь приходить ко мне, когда я тебя позову.

Он ненадолго замолчал, позволяя мне осмыслить его слова.

— А пока располагайся. Прими ванну, переоденься. В шкафу для тебя уже всё приготовлено. Приведёшь себя в порядок — спускайся в столовую завтракать.

Он развернулся и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Как только дверь закрылась, внутри стало пусто, тихо и холодно. Я медленно прошлась по комнате, разглядывая стены, затем открыла шкаф. Внутри висело множество нарядов. Все роскошные, сшитые по последней моде. Даже пижама оказалась шёлковой, с красивой вышивкой.

Осмотревшись, я заметила дверь в ванную, которую сначала не увидела. Взяла халат, полотенце и направилась туда.

Ванная оказалась такой же выверенной до мелочей, как и весь дом. Белый мрамор, огромное зеркало, свежие цветы в вазе.

Я сняла одежду и, пока набиралась вода, посмотрела на своё отражение.

Выглядела я ужасно. Спутанные волосы, покрасневшие от слёз глаза, на щеке — яркое пятно после пощёчины Лейна.

«Надо срочно привести себя в порядок. Такую меня он точно не захочет видеть в своей комнате».

Мой взгляд скользнул ниже и остановился на животе. Я медленно провела по нему рукой.

Ничего.

Никаких чувств.

Просто кожа. Просто тело.

Я погрузилась в тёплую воду и долго мылась, словно пыталась смыть не только дорожную пыль, но и всё, что осталось от прежней жизни.

В дверь постучали.

— Леди Рейвенвуд, у вас всё в порядке?

От этих слов на душе сразу потеплело.

«Леди Рейвенвуд».

Это звучало правильно. Именно так и должно быть.

— Да. Я скоро выйду.

— Лорд Рейвенвуд приказал вам поторопиться.

За дверью слышались удаляющиеся шаги. Потом хлопнула входная дверь.

Я быстро закончила мыться и вышла из ванной.

На кровати уже лежало платье — длинное, тёмно-зелёное, с длинными рукавами и глубоким декольте. Я оделась, кое-как привела свои непослушные кудри в порядок и поспешила выйти из комнаты.

Я спустилась по лестнице. Сделать это в туфлях и длинном платье оказалось ещё той задачей. Подол всё время путался под ногами, и однажды я даже чуть не упала, наступив на него.

Зайдя в столовую, я увидела, что Лейн уже сидит за столом. Когда я подошла почти вплотную, он остановил меня жестом.

— Покрутись, Айриэлла.

Я послушно медленно повернулась вокруг своей оси. Он задумчиво осмотрел меня.

«Что-то не так? Ему не нравится?»

— Садись.

Он указал мне на место рядом с собой и жестом предложил начинать завтрак.

Лейн ел молча. За всё время он ни разу не посмотрел на меня. А я ловила каждое его движение. Его манеры были безупречны. В какой-то момент мне стало не по себе — я испугалась, что мои собственные манеры недостаточно хороши.

Когда он закончил, пришли слуги и убрали со стола всё, даже мою тарелку, хотя я ещё не успела доесть. Затем они налили нам по чашке чая. И только когда слуги ушли, Лейн наконец посмотрел на меня.

— Айриэлла, тебе очень идёт это платье. Но твои волосы... Что это за гнездо? Я распоряжусь, и служанки помогут привести их в порядок.

Я послушно кивнула.

Лейн продолжил:

— Больше не опаздывай к столу. На первый раз я тебя прощу, но больше никаких поблажек. Пей чай, Айриэлла.

Только сейчас я поняла, что всё это время неотрывно смотрела на него, сжимая в руках чашку. Я сделала глоток. Чай был травяным. Его вкус показался мне знакомым. Но мысль тут же ускользнула, потому что Лейн снова заговорил.

— Запомни, чай ты всегда будешь выпивать. Это не обсуждается.

Он прикоснулся к моей ладони и погладил её. По всему телу пробежала приятная дрожь, а кольцо на пальце обдало руку жаром.

— Я буду делать всё, что ты пожелаешь, хозяин.

Лейн довольно улыбнулся.

— Молодец, моя Айриэлла. А теперь допивай чай и иди в свою комнату отдыхать. Обед тебе принесут туда, а к ужину придут служанки и подготовят тебя к вечеру. Сегодня я хочу видеть тебя в своей комнате.

От этих слов сердце бешено заколотилось в груди. Он погладил меня по щеке.

— Мне нравится, когда ты улыбаешься. Но если до того момента, как я тебя позову, ты выйдешь из комнаты — будешь наказана. Поняла?

Он грубо взял меня за подбородок и посмотрел в глаза.

— Поняла, хозяин.

Даже его грубые прикосновения не испортили мне настроение. Теперь я жила ожиданием вечера. Лейн допил чай, и я быстро осушила свою чашку. Затем он поднялся из-за стола и направился в сад, а я, подхватив неудобный подол платья, почти бегом поспешила в свою комнату.

Глава 2. В тёмном круге стихий.

Весь день я провела в ожидании. Казалось, время застыло. Я ходила по комнате, садилась на край кровати, вставала, снова ходила — и ничто не могло заполнить эту тягучую пустоту.

В дверь то и дело стучали. Служанки приносили чай. Каждый раз одна из них оставалась стоять у двери, пока я не выпивала до дна. Чай был травяным — тёплым, чуть сладковатым. Я пила послушно, потому что Лейн сказал, что я должна.

С каждым глотком мысли становились всё более тягучими, вязкими. Они текли медленно, обрываясь на полуслове, растворяясь, не оставляя следа.

К вечеру в комнату вошли три служанки. Бесшумно, как тени.

— Лорд Рейвенвуд приказал подготовить вас к вечеру, — произнесла одна из них.

Я кивнула. Мне казалось, что это правильно.

Они усадили меня перед большим зеркалом. Я видела своё отражение — бледное, с мутными глазами. Служанки принялись за мои волосы. Грубые пальцы расчёсывали кудри, вытягивали их, распрямляли. Боль доходила до сознания с опозданием — я морщилась, но почти не чувствовала её, будто между мной и болью была толстая ватная стена.

Когда они закончили, я не узнала себя. Вместо буйных серебристых кудрей с плеч свисала ровная, гладкая, тяжёлая прядь.

Затем они начали наносить макияж. Пудра, румяна, тёмная линия вдоль глаз. Я смотрела на лицо в зеркале и не понимала, кто на меня смотрит. Но мне казалось, что так красивее.

— Встаньте, леди Рейвенвуд.

Я поднялась. Служанки надели на меня алое шёлковое платье. Оно плотно облегло тело, струилось до самого пола, открывая плечи и ключицы. Туфли на высоких каблуках оказались неудобными, но я даже не подумала жаловаться.

— Украшения, — коротко сказала одна из них.

Она протянула руку к моей шее, чтобы снять цепочки — ту, с фениксом, и ту, с пятилистником. Я почувствовала, как внутри поднимается неясное беспокойство. Какая-то смутная, почти забытая тревога. Я сама не знала, почему, но мне не хотелось их отдавать.

— Не трогайте их, — услышала я собственный голос. Он прозвучал тихо и неуверенно.

Служанка даже не остановилась.

— Приказ лорда Рейвенвуда. — Её голос был холодным и твёрдым, как лёд. — Ваши желания здесь никого не интересуют.

Она резко сняла цепочки. Я смотрела, как кулоны исчезают в шкатулке, и чувствовала только странную пустоту. Мне казалось, я должна была что-то сделать, но голова была такой лёгкой, такой пустой. Я просто смотрела, как закрывается крышка.

Вместо цепочек на мою шею надели массивное украшение — широкое, с крупными камнями, холодное и тяжёлое. Оно туго обхватывало шею, почти как ошейник.

— Лорд Рейвенвуд сказал, что в этом платье вы не должны садиться, — добавила служанка. — Вам придётся стоять или ходить по комнате до его прихода.

Я кивнула. Мне казалось, что это правильно. Что это справедливо.

Я подошла к зеркалу и долго смотрела на своё отражение. Незнакомка в красном платье с тяжёлым украшением на шее смотрела на меня пустыми глазами.

Я почти не узнавала себя.

Но я знала — он будет доволен.

Время тянулось медленно. Я уже еле стояла на ногах. Туфли были такими неудобными, а ноги так сильно болели, что казалось — ещё чуть-чуть, и я упаду. Каждый раз, когда я немного сутулилась, ошейник на шее прижимался ещё сильнее, и становилось трудно дышать.

Я слышала, как за дверью кто-то ходил туда-сюда, и каждый раз надеялась, что вот-вот Лейн войдёт в мою комнату. С каждым шагом за дверью и каждой минутой волнение всё сильнее накрывало меня.

За окном на небе уже начали появляться первые звёзды. Я стояла у зеркала, почти не видя себя, чувствуя только тяжесть в ногах и холодный металл на шее.

Когда я уже была готова рухнуть на пол, в дверь постучали. Служанка вошла и коротко произнесла:

— Лорд Рейвенвуд ожидает вас.

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения. На ватных ногах я последовала за ней по коридору. Сердце билось так громко, что, казалось, его слышно в каждой комнате этого особняка.

Перед тем как зайти в комнату, я поправила платье и причёску. Пальцы дрожали, когда я касалась ткани, словно тело уже знало, что сейчас решится всё, а я лишь пыталась удержать контроль над этим моментом.

Я постучала в дверь.

Тишина.

«Может, он не услышал? Можно ли постучать ещё раз? А если я постучу ещё раз, вдруг он разозлится?»

Я занесла руку, чтобы постучать снова, но за дверью раздался голос Лейна.

— Входите.

Я выдохнула с облегчением. Открыла дверь и переступила порог его комнаты.

Комната Лейна оказалась такой же, как и весь дом. Белые стены, высокие окна, лёгкие шторы, почти не скрывающие ночное небо. Но среди всей этой строгой гармонии выделялась кровать.

Она стояла в центре комнаты — массивная, с тяжёлым балдахином на тёмных деревянных столбах. На них были вырезаны странные знаки, которых я раньше никогда не видела. Кровать казалась чужеродной, словно её принесли сюда намеренно, чтобы нарушить идеальный порядок дома.

В комнате царил полумрак. Только камин и свечи по углам кровати освещали пространство мягким, дрожащим светом. Лейн сидел в кресле у камина, глядя на огонь. Пламя отражалось в его зелёных глазах, делая их почти живыми.

Я сделала шаг ближе, но он, не отрывая взгляда от огня, остановил меня жестом. Я замерла.

Лейн медленно поднялся, взял с небольшого столика бокал, налил вина и протянул его мне. Я приняла бокал, чувствуя, как холод стекла касается моих пальцев. Он взял свой, легко коснулся моего бокала своим — и сделал глоток.

Ни слова. Только огонь, свечи, тишина и его глаза, которые наконец встретились с моими. Я тоже сделала глоток. Вино было терпким, с горчинкой, но я почти не чувствовала вкуса — только тепло, разливающееся внутри.

Лейн подошёл ближе. Остановился прямо передо мной. Я чувствовала его дыхание, его запах, его присутствие, заполняющее всё пространство вокруг.

Он поцеловал меня. Жадно, страстно, требовательно. Без нежности. Без вопросов.

Я чувствовала вкус его крови у себя во рту. В какой-то момент он укусил меня за губу — резко, сильно. Я отстранилась, но он грубо притянул меня к себе и снова поцеловал. Теперь я чувствовала уже и свой вкус. Смешанный с его.

Я не чувствовала боли. Голова была как в тумане. Всё происходило где-то далеко, словно не со мной. Я просто была. Просто позволяла.

Он отстранился, провёл пальцем по моей нижней губе, стирая кровь, и посмотрел на меня так, будто проверял, насколько глубоко я ушла в этот туман.

— Айриэлла, — тихо сказал он, и его голос прозвучал как приговор.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри всё затихает. И в этот момент я поняла — он может делать со мной всё, что захочет. И я не против.

Он забрал у меня бокал и поставил его на столик вместе со своим. Потом подошёл вплотную, почти касаясь меня, и, наклонившись к уху, прошептал:

— Ты на всё согласна, Айриэлла?

У меня перехватило дыхание от его шёпота. Я только и смогла, что ответить:

— Да.

Я почувствовала, как он улыбнулся. Тепло его дыхания на моей коже было почти обжигающим. Он взял меня за руку и подвёл к кровати.

— Раздевайся и ложись.

Он помог расстегнуть платье, и оно соскользнуло с моих плеч, упав на пол бесшумной шёлковой лужей. Я осталась абсолютно голой, если не считать ожерелья-ошейника на шее.

Я легла на кровать. Мне хотелось прикрыть свою наготу руками, но Лейн покачал головой, и я послушно убрала руки. Я лежала смирно, чувствуя, как холодная ткань касается спины, как воздух обжигает кожу.

Лейн не спешил ложиться рядом. Он подошёл к одному углу кровати и что-то поставил, потом к другому, к третьему, к четвёртому. Я приподняла голову, стараясь разглядеть, что он делает.

В одном углу стояла миска с водой. В другом — с землёй. В третьем горела свеча. В четвёртом — пустая миска, символизирующая воздух. Четыре стихии. Четыре стороны света.

Лейн выпрямился и посмотрел на меня. В его глазах плясали отблески свечи. Он снял с шеи свой платок и завязал мне глаза. Ткань коснулась лица — тёплая, с его запахом. Мир исчез. Остались только звуки, дыхание и его голос.

— Айриэлла, скажи, что ты согласна на всё, что сейчас будет происходить.

Я уже дрожала от волнения, от предвкушения. Голос сорвался, но я выдавила:

— Я согласна на всё, что будет происходить.

Он наклонился ко мне, и я почувствовала его губы у самого уха:

— Хорошая девочка.

А затем он приподнял мне голову и поднёс к губам что-то. Я почувствовала край чаши, холодный и твёрдый. Жидкость была горькой и невкусной. Я сделала глоток. Потом ещё один. Внутри разлилось странное тепло, а следом пришла тяжесть.

Я слышала где-то вдалеке незнакомые слова. Чувствовала руки на своём теле. Его дыхание. Но всё было так далеко, будто происходило не со мной.

Лейн говорил всё громче — или это был не Лейн? Голос звучал иначе. Утробно, низко, почти нечеловечески. Слова сплетались в непонятные фразы, и я не могла разобрать ни одной.

Я проваливалась в туман. Всё дальше, глубже, пока не отключилась.

Голова... ужасно болит голова. И всё тело. Ощущение, что меня скинули со второго этажа или переехала карета.

Я с трудом открываю глаза. В комнате светло. Утро? Я пытаюсь приподняться на кровати, но сил нет совсем. Руки дрожат, мышцы ноют, будто я не спала, а бежала всю ночь.

Что со мной?

Я слышу шаги. Ко мне подходит служанка.

— Лежите, леди Рейвенвуд. Вам нужно отдыхать. Вот, выпейте, станет легче.

Чай... Снова этот чай.

Как он меня раздражает. Служанка настойчиво подносит чашку к моим губам. Я хочу отвернуться, хочу сказать «нет», но сил нет даже на это. Она заливает чай мне в рот, и я глотаю, почти не чувствуя вкуса.

Я не могу сопротивляться, хоть и очень хочу.

Но как только я выпиваю, внутри разливается знакомое тепло. Боль в голове отступает, тяжесть в теле уходит. Меня снова клонит в сон, и я проваливаюсь в темноту.

Я снова просыпаюсь. Уже легче — голова не так болит, но тело всё ещё ноет, будто меня били. В комнате светло. Я так мало спала или уже снова утро?

Пытаюсь приподняться. Ко мне снова подбегает служанка.

— Леди Рейвенвуд, не торопитесь. Выпейте.

Она настойчиво подносит чашку к моим губам. Чай. Снова этот чай. Я глотаю, чувствуя, как внутри разливается знакомое тепло. И правда — становится легче. Я выпиваю чашку и снова проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь, когда в комнате уже темно. За окном — тёмное небо и звёзды. Голова не болит, но в теле ещё чувствуется слабость. Я медленно сажусь на кровати, оглядываясь.

Служанка подходит ближе:

— Леди Рейвенвуд...

Я обрываю её жестом.

— Отведи меня в ванную.

Она послушно помогает мне подняться. Каждый шаг даётся с трудом — ноги дрожат, мышцы болят, будто я не вставала несколько дней. Я опираюсь на её руку, чувствуя, как тяжело передвигать тело.

Но я иду. Сама. Пусть и с поддержкой.

Я подхожу к зеркалу и замираю.

На меня смотрит незнакомка. Бледная, с тёмными кругами под глазами. Волосы спутаны, на губе — запёкшаяся кровь.

Я опускаю взгляд ниже.

Вся грудь, плечи, живот — покрыты синяками и кровоподтёками. Тёмные пятна на бледной коже. Я медленно поворачиваюсь, рассматривая себя. Следы пальцев на бёдрах, ссадины на рёбрах.

Я смотрю на своё отражение и чувствую только странное спокойствие.

Где-то внутри должна быть боль. Или страх. Или хотя бы удивление. Но вместо этого — только пустота. Я вижу синяки, но не чувствую их. Я знаю, что они должны меня пугать, но мне всё равно.

Я провожу пальцами по плечу, касаясь тёмного пятна. Кожа отзывается тупой болью. Но даже это ощущение приходит с опозданием, будто я смотрю на себя сквозь толщу воды.

Служанка стоит позади, не произнося ни слова.

Я опускаю руку и отворачиваюсь от зеркала.

— Вода, — тихо говорю я.

Она молча наполняет ванну. Я сажусь на край, смотрю, как пар поднимается к потолку, и не чувствую ничего.

Глава 3. Только рядом с ним

Прошла неделя. Или больше. Я сбилась со счёта.

Каждый день был похож на предыдущий. Я просыпалась, пила чай, завтракала в одиночестве, потом приводила себя в порядок — выпрямляла волосы, наносила макияж, надевала одно из платьев, что висели в шкафу. И ждала.

Ждала, что он придёт. Или хотя бы позовёт.

Но он не приходил.

Служанки приносили еду, забирали посуду, молчаливо и холодно. На мои вопросы о Лейне они отвечали коротко:

— Лорд Рейвенвуд занят.

— Лорд Рейвенвуд не велел беспокоить.

— Лорд Рейвенвуд позовёт, когда сочтёт нужным.

Они почти не смотрели на меня. Будто я была мебелью. Будто меня не существовало.

Я пыталась быть терпеливой. Я ждала. Но с каждым днём внутри нарастало что-то тёмное. Тревога. Обида. Беспокойство. А может, просто пустота, которая требовала его присутствия.

К концу недели я уже не могла сидеть на месте. Я ходила по комнате, касалась стен, смотрела в окно на сад, который виднелся за решётками. Я хотела выйти. Хотела увидеть его. Хотела услышать его голос.

Однажды, когда служанка принесла обед, я не выдержала.

— Где он? — спросила я, глядя на неё в упор.

Она промолчала. Поставила поднос на стол и уже собралась уйти.

— Я спросила, где он! — мой голос сорвался.

Служанка даже не повернулась.

— Лорд Рейвенвуд скоро вернётся. Выпейте чай, леди Рейвенвуд.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Подняла поднос и швырнула его в стену. Тарелки разбились, еда разлетелась по полу, чай разлился тёмной лужей.

Служанка вздрогнула и посмотрела на меня с удивлением.

— Вон! — крикнула я. — Вон отсюда!

Она вышла. Я осталась одна среди осколков и разлитого чая.

Я смотрела на это и не понимала, что сделала. А потом села на кровать и закрыла лицо руками.

Я сделала что-то не так. Поэтому он не приходит. Он не хочет меня видеть.

Я думала, что вечером он придёт и накажет меня. Я ждала. Прислушивалась к шагам за дверью.

Но он не пришёл.

На следующее утро я не хотела просыпаться. Тело всё ещё помнило вчерашнюю вспышку, и внутри было странное, тягучее чувство стыда.

Но когда служанка вошла в комнату и коротко сказала:

— Лорд Рейвенвуд ждёт вас к завтраку.

Я вскочила с кровати, как будто меня ударило током.

Сердце забилося быстрее. Он позвал меня. Он не забыл.

Я побежала умываться, приводя себя в порядок. Выбрала чёрное платье из плотного бархата — с открытой спиной. Оно было красивым, строгим, почти траурным. Стоило мне покрутиться перед зеркалом, как я заметила на спине ещё не до конца зажившие синяки — тёмные пятна на бледной коже. Я прикрыла их распущенными волосами, чтобы он не заметил.

Он должен видеть меня красивой, а не больной.

Я спустилась вниз. Практически сбежала по лестнице, придерживая подол платья, чтобы не упасть. На последней ступеньке я остановилась, поправила одежду, причёску и уже более размеренно, стараясь не выдать волнения, направилась в столовую.

Сердце колотилось где-то в горле.

Я вошла в столовую. Лейн сидел за столом, не спеша помешивая чай в своей чашке. Он не поднимал взгляда, когда сказал:

— Садись, Айриэлла.

Я послушно села. И только тогда заметила, что он выглядит бледным и уставшим. Словно не спал несколько ночей подряд. Я заволновалась.

— Хозяин...

— Айриэлла, сначала поешь.

Секунду помедлив, я начала есть. Быстро, потому что волновалась за него, мне хотелось скорее понять, что с ним случилось. Как только я съела всё содержимое тарелки, он протянул мне чашку с чаем. Я взяла её в руки и сделала большой глоток.

— Хозяин, я очень переживала за тебя. Я так скучала по тебе.

Он поднял взгляд. Его лицо было уставшим, будто он постарел на пару лет. Глаза красные — в одном даже виднелся кровоподтёк, словно лопнул сосуд. Внутри у меня всё сжалось.

Он протянул мне руку, и я вложила в неё свою. Тепло и лёгкость пробежали по телу, словно это было то, что мне нужно всё это время. Его касание.

— Со мной всё хорошо, Айриэлла.

Он вымученно улыбнулся.

— Мне передали, что ты плохо себя вела вчера и даже позволила себе грубость.

— Прости. Просто я очень переживала за тебя. Я гадала, почему ты не приходишь.

Он показал жестом, чтобы я допивала чай. Я послушно сделала ещё глоток. Лейн встал из-за стола и коротко сказал:

— Следуй за мной.

Я быстро допила чай и пошла за ним. Мы направились в сад. Его походка была нетвёрдой — казалось, каждый шаг даётся ему с трудом. Мы дошли до старого дуба, под которым стояла лавочка. Он сел и пригласил меня сесть рядом.

— Айриэлла, мне не нравится, что ты такая нетерпеливая, но наказывать я тебя не буду. Но учти, чтобы впредь такого не было.

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается облегчение.

К нам подошла служанка с книгой в руках. Лейн взял её и протянул мне.

— Почитай мне.

Я открыла книгу и начала читать. Это была художественная литература — красивые описания природы, длинные предложения, чужие судьбы. Честно говоря, я не особо старалась понять, о чём читаю. Главное было в другом — Лейн сидел рядом, слушал меня, не прогонял. Его присутствие заполняло всё пространство вокруг. Я чувствовала его дыхание, слышала, как он иногда глубоко вздыхает.

Я читала, а в голове была только одна мысль: «Он рядом. Он не ушёл. Он простил меня».

Когда я закончила главу, он мягко коснулся моей руки.

— Хорошо, Айриэлла. Достаточно.

Я закрыла книгу. Лейн обнял меня. Я почувствовала тепло его рук, его дыхание на своей макушке — и внутри всё снова встало на свои места.

— Айриэлла, что ты чувствуешь?

— Чувствую, что не могу без тебя жить.

Лейн довольно улыбнулся, и я почувствовала это по тому, как расслабились его плечи.

— Пообещай мне, что больше не будешь себя так вести. Это неподобающее поведение для леди Рейвенвуд.

Я улыбнулась ему в ответ.

— Прости, я обещаю, что такого больше не повторится, но...

— Но?!

Мне стало немного не по себе. Я на секунду задумалась, стоит ли продолжать. Он уже был так близко, так добр ко мне — и я боялась разрушить этот момент.

— Но, пожалуйста, не оставляй меня так надолго одну.

Я приготовилась к тому, что он накричит на меня, но он только чуть крепче прижал меня к себе и поцеловал в макушку.

— Хорошо.

Мы сидели так ещё около получаса. Я боялась сказать хоть слово, чтобы не спугнуть его. А он молчал. Я просто наслаждалась его присутствием, его теплом, тем, что он был рядом и не прогонял меня.

Следующие дни были похожи на сон. Тёплый, тягучий, почти невесомый. Лейн теперь звал меня на завтрак, обед и ужин. Я спускалась в столовую, и он уже ждал меня за столом — иногда с книгой, иногда просто глядя в окно. Я садилась напротив или рядом, и мы ели в тишине. Но это была не та тяжёлая тишина, как в первый день. Теперь в ней было что-то тёплое. Привычное.

После завтрака мы часто выходили в сад. Я брала книгу, которую он выбирал, и читала вслух. Я почти не понимала, о чём читаю, но его присутствие делало каждое слово важным. Он сидел рядом на скамье, иногда закрывал глаза, иногда смотрел на меня. Его взгляд больше не был тяжёлым — скорее уставшим, но довольным. Как будто я была чем-то, что ему нужно.

Иногда мы сидели в гостиной у камина. Он рассказывал мне о путешествиях, о городах, которые я не помнила. О политике, о старых книгах, о чём-то далёком и спокойном. Я слушала и почти не понимала, но мне было всё равно. Главное, что он был рядом. Что его голос звучал рядом со мной. Что он иногда касался моей руки, поправлял прядь волос, улыбался чему-то своему.

Я не знала, что изменилось. Может быть, та ночь так сильно повлияла на него. Может быть, он просто устал быть один. Но я чувствовала себя нужной. И это было всё, что мне было нужно.

Но каждый вечер наступал один и тот же момент. Он поднимался, желал мне спокойной ночи, и я шла в свою комнату одна. Ложилась в холодную кровать и смотрела в потолок. Я ждала. Прислушивалась к шагам за дверью. Надеялась, что он постучит. Что позовёт.

Но он не звал.

Я хотела попросить. Я хотела сказать ему: «Останься», «Возьми меня с собой», «Я не хочу быть одна». Но я боялась. Боялась спугнуть его, разрушить этот хрупкий мир, который мы выстроили за последние дни. И я молчала.

И каждый вечер я оставалась одна.

Так прошло несколько недель после той единственной ночи. Лейн заметно поправился: морщины и круги под глазами исчезли, в голосе появилась лёгкость, даже смех. Он всё чаще улыбался, а его глаза сияли зелёным огоньком — тем самым, который я так любила и боялась одновременно.

И вот в этот вечер, когда он проводил меня до двери, Лейн остановился и тихо сказал:

— Подготовься и приходи ко мне сегодня.

Я чуть не подпрыгнула от радости, но вовремя себя осекла. Спокойно. Надо быть спокойной.

Я пошла в свою комнату, быстро приняла ванну, надела красивую сорочку и шёлковый халат. Сердце билось быстрее обычного, но я старалась не думать об этом. Я просто хотела быть рядом с ним. Снова.

Я вышла из комнаты и направилась к его двери.
Постучав и дождавшись приглашения, я вошла в его комнату.

Она изменилась с моего последнего визита. Больше не было той огромной тёмной кровати с балдахином — теперь стояла самая обычная, выдержанная в едином стиле с комнатой и всем домом. Белая, светлая, правильная.

Я подошла к Лейну и уже хотела обнять его, но он сделал шаг назад.

— Ложись в кровать, Айриэлла.

Я замерла на мгновение, но послушно подошла к кровати. Сняла халат, оставшись в одной сорочке. Посмотрела на Лейна. Он, не глядя на меня, подошёл к кровати, снял свой халат и лёг.

— Ты так и будешь стоять?

Я легла и придвинулась к нему, чувствуя тепло его тела рядом.

— Нет, Айриэлла. Отвернись и спи.

Я отвернулась. Внутри бушевало множество чувств — растерянность, обида, стыд. Всю ночь я не могла уснуть. Я была рада находиться в его комнате, чувствовать его дыхание рядом, но почему он не прикасался ко мне? Что со мной не так?

Я ждала, что, может быть, вот сейчас он обнимет и притянет меня к себе. Но ничего не происходило. Он был так рядом — и так далеко.

После той ночи Лейн часто звал меня к себе. Почти каждый вечер я приходила в его комнату, ложилась рядом и чувствовала его дыхание на своей коже. Но он никогда не прикасался ко мне. Мы просто спали в одной кровати — он на своей стороне, я на своей. Иногда он обнимал меня перед сном или целовал в макушку, и я замирала от счастья, боясь дышать, чтобы не спугнуть этот момент.

Я старательно выполняла всё, что он говорил. Была послушной, не перечила, не задавала лишних вопросов. Каждое его прикосновение было для меня подарком. Каждое слово — наградой.

Я думала, что если буду идеальной, он продолжит меня любить. Что если я не буду его разочаровывать, он останется рядом.

Но моё тело начало предавать меня.

Сначала это была лёгкая слабость по утрам. Я списывала её на бессонницу, на то, что всё ещё привыкаю к новому месту. Но через несколько дней появилась тошнота — не сильная, но настойчивая. Она приходила без предупреждения и уходила так же внезапно, оставляя после себя липкий холод и головокружение.

Я старалась скрыть это от всех. За завтраком я делала вид, что всё в порядке, хотя каждый глоток чая давался с трудом. Я улыбалась, когда Лейн смотрел на меня, и говорила, что просто немного устала. Он кивал и не задавал вопросов.

Но иногда тошнота накатывала так внезапно, что я едва успевала сдержаться. В такие моменты я замирала, стараясь не дышать, и молилась, чтобы это прошло. Если Лейн в эти секунды обращался ко мне, я собиралась из последних сил, натягивала улыбку и отвечала так, будто ничего не происходит.

Его голос заглушал всё остальное. Даже тошноту. Даже головокружение.

Я не знала, замечает ли он что-то. Но каждый раз, когда он смотрел на меня чуть дольше обычного, внутри всё сжималось от страха. А вдруг он видит? А вдруг я ему противна?

Поэтому я продолжала улыбаться. Продолжала быть послушной. Продолжала делать вид, что со мной всё хорошо.

Однажды вечером мы сидели в гостиной. Лейн пил вино — больше обычного. Его движения стали чуть более расслабленными, взгляд — тяжелее. Я сидела на диване напротив, стараясь не смотреть на него слишком долго.

Он посмотрел на меня поверх бокала.

— Айриэлла, что-то не так?

Я замерла.

— Всё хорошо, хозяин.

Он прищурился.

— Ты что-то скрываешь от меня.

— Нет, — сказала я слишком быстро.

Лейн поставил бокал на стол. Его лицо изменилось — тепло исчезло, уступив место холодной ярости.

— Ты смеешь мне лгать?

Он подошёл ко мне и, не говоря ни слова, ударил. Пощёчина была сильной, неожиданной. Я не удержалась на ногах и упала на пол, чувствуя, как горит щека.

Я не знала, что сказать. Что сделать. Я просто начала просить прощения.

— Прости, хозяин. Прости меня.

Он смотрел на меня сверху вниз.

— На колени.

Я послушно встала на колени.

— Прости, хозяин.

Он усмехнулся.

— Проси. Умоляй.

Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

— Пожалуйста... прости меня. Я не хотела тебя обманывать. Я сделаю всё, что ты скажешь. Только прости.

Лейн засмеялся. Он наклонился и погладил меня по голове, как собачку.

— Хорошая девочка.

В этот момент в комнату вошла служанка с новым графином вина. Она поставила его на стол и бесшумно удалилась, даже не взглянув на меня. Лейн налил себе ещё один бокал.

Я всё ещё стояла на коленях.

Он отпил вино и задумался. В его глазах вспыхнула знакомая искра — та, что предвещала что-то новое, тёмное.

— Айриэлла... Встань на четвереньки.

Я замерла. Но послушно опустилась на четвереньки. Лейн довольно посмотрел на меня сверху вниз.

— А теперь... гавкай.

У меня перехватило дыхание. Я смотрела на него, не понимая, шутит он или говорит серьёзно. Но в его взгляде не было ни капли веселья — только холодное ожидание.

Я молчала. Слишком долго.

Лейн нахмурился, шагнул ко мне и резко схватил за горло. Пальцы сжались, перекрывая дыхание. Я захрипела.

— Я сказал... гавкай.

Я сглотнула и, собрав последние силы, выдавила из себя робкое, тихое:

— Гав.

Он отпустил меня. И залился смехом — громким, довольным, почти радостным.

— Так-то! — сказал он, отворачиваясь к столу и снова наливая вино.

Я осталась стоять на четвереньках, чувствуя, как горло саднит, а слёзы всё ещё текут по лицу.

— А теперь иди в свою комнату и подумай над своим поведением.

Я начала подниматься с колен, но Лейн оборвал меня. Его голос был стальным.

— Нет, Айриэлла. До лестницы иди как собачка на четвереньках. И не забудь прогавкать мне спокойной ночи.

Я замерла. Внутри всё сжалось, но я не посмела послушаться. Я опустилась на четвереньки и поползла к двери. Каждый шаг давался с трудом — не от боли, а от стыда, который жёг изнутри. Я чувствовала на себе его взгляд. Он смотрел, как я ползу по полу его гостиной, и молчал.

У самых дверей я остановилась, подняла голову и, не оборачиваясь, тихо прогавкала:

— Гав...

И вышла.

Я ползла по коридору до самой лестницы. Там я поднялась и, не оглядываясь, пошла в свою комнату. Слёзы текли по щекам, но я не вытирала их. Я просто шла.

Я всё испортила. Он был так добр ко мне, а я посмела скрывать от него правду. Я заставила его сомневаться, злиться. Это я виновата. Если бы я просто рассказала ему, ничего бы этого не было.

Он наказал меня, но не выгнал. Значит, я ещё могу всё исправить. Я должна стать лучше. Я должна быть послушной. Я не имею права снова его разочаровать.

Я легла в кровать и долго смотрела в потолок, чувствуя только пустоту и стыд. Но внутри уже рождалась мысль: «Я исправлюсь. Я сделаю так, чтобы он снова был доволен мной».

Глава 4. Сквозь плену

После той ночи Лейн перестал меня звать. Он не приходил ко мне, не присылал служанок, не появлялся за завтраком. Я снова осталась одна в своей комнате, и каждый день тянулся бесконечно.

Тошнота не проходила. Она стала моей постоянной спутницей — приходила по утрам и не уходила до самого вечера. Иногда мне казалось, что если я ещё раз почувствую этот привкус во рту, то сойду с ума.

Но было и кое-что другое. Чай, который я пила каждое утро и каждый вечер, перестал действовать так, как раньше. Раньше он приносил тепло и покой, заставляя мысли течь медленно и послушно. Теперь же, особенно когда тошнота выворачивала меня наизнанку, я чувствовала, как туман в голове начинает рассеиваться. Сначала едва заметно, потом — чуть яснее.

Я не понимала, что это значит. Я просто знала, что внутри что-то меняется. Но боялась признаться себе в этом.

Прошла неделя. Я почти перестала ждать, что он позовёт. Я просто существовала — ела, спала, смотрела в окно на сад. Иногда я ловила себя на том, что думаю о чём-то, чего не было в этом доме. Какие-то образы, лица, голоса. Они появлялись и исчезали, не оставляя следов.

И вот однажды служанка вошла в комнату и коротко сказала:

— Лорд Рейвенвуд ждёт вас в саду.

Сердце дрогнуло. Я не знала, радоваться мне или бояться. Но я быстро оделась и спустилась вниз.

Лейн стоял у старого дуба, глядя на край сада. Я подошла и остановилась рядом, не зная, что сказать. Он молчал. Я тоже.

Через некоторое время он указал рукой вперёд:

— Посмотри, Айриэлла.

Я проследила за его взглядом и увидела, что дикая растительность с той стороны леса начала прорастать сквозь аккуратные ряды кустов. Зелёные побеги, сорняки, молодые деревца — они пробивались сквозь идеальный сад, нарушая его строгую гармонию.

— Лес атакует, — тихо сказал он, и в его голосе послышалась усмешка.

Он поднял руку. Я почувствовала, как воздух вокруг сгустился. Прямо на моих глазах сорняки начали вянуть, съёживаться, чернеть. Молодые побеги засыхали и ломались, а земля под ними становилась серой и мёртвой.

Я смотрела, не дыша.

Внутри меня что-то дрогнуло. Я вспомнила, как когда-то касалась земли и чувствовала, как она откликается. Как из маленького ростка появляется жизнь. Как природа благодарит тебя за заботу.

А он просто уничтожал её. Без сожаления. Без мысли о том, что она могла бы быть красивой, если бы он позволил.

Я ничего не сказала. Но внутри что-то изменилось.

— Что это? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Лейн повернулся ко мне. В его глазах сверкнул зелёный огонь.

— Моя магия, Айриэлла. Как у тебя, только тёмная.

Он шагнул ближе и поднял руку. Из ладони вырвался поток воды — и тут же застыл, превратившись в острые ледяные иглы. Он сжал пальцы, и лёд разбился в мелкую ледяную пыль.

— Вода, — сказал он. — Но я могу превратить её в лёд. Сделать оружием.

Он щёлкнул пальцами, и ветер поднялся — не тёплый, как всегда, а резкий, почти ураганный. Он рвал листья с деревьев, пригибал ветви к земле.

— Воздух.

Затем он коснулся рукой ствола дуба, и я увидела, как кора потемнела, словно иссохла за секунды. Листья на ветках пожелтели и опали.

— Земля.

И наконец он поднял ладонь. На ней вспыхнул огонь — огромный, неукротимый, он метался из стороны в сторону, обжигая воздух. Я отшатнулась, но он только улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.